

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА МОНГОЛЬСКИХ МЕТАФОР НА РУССКИЙ И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫКИ С УЧЕТОМ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ФОНА

Намжидмаа Хишигдулам¹, Шагжжав Ичинхорлоо¹,
М.А. Казаева²

¹ Монгольский государственный университет образования,
г. Улан-Батор, Монголия

² Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Статья посвящена проблемам перевода монгольских метафор и метафорических выражений на русский и английский языки. Описываются основные функции метафоры, характерные для монгольского языка, рассматриваются примеры перевода метафор в разных контекстах. Устанавливается, что основная сложность перевода монгольских метафор связана с недостатком знаний в области духовной буддийской культуры, а также культуры быта монгольского народа.

Ключевые слова: метафора, функции метафоры, культурологические особенности, трудности перевода, межкультурная коммуникация.

В современной науке термин «метафора» является многозначным и используется в разных областях гуманитарно-ориентированных наук. В языкознании этим термином принято обозначать одно из изобразительно-выразительных средств языка, которое является самым простым способом переноса значения слов. Ещё со времен великого греческого философа Аристотеля, который впервые употребил данный термин в 335 г. до н.э. в своем трактате «Поэтика», метафора (от греч. «перенесение») считалась важным инструментом языковой выразительности [1: 109].

Монгольский языковед Ц. Сухбаатар определял метафору как особый стилистический приём, который используется для того, чтобы «сделать определённое свойство явления или предмета более ярким и наглядным, создавая конкретное представление посредством сравнения его с другим, похожим явлением или предметом» [11: 45]. Его соотечественник Ш. Гаадамба отмечал, что метафора часто используется для того, чтобы «через сравнение с известными явлениями или предметами более четко и, вместе с тем, образно, донести до человеческого сознания свойства, признаки и образы описываемого объекта» [6: 124–125]. Лингвист Т. Пагва указывал, что при использовании метафоры «изменяется название предмета, но его идея (образ) остаётся неизменной» [8: 95–96]. В современной русской лингвистике метафора понимается как троп, «состоящий в употреблении

слов и выражений в переносном смысле на основании какого-либо их сходства, аналогии, либо других качеств или признаков» [3: 231].

К началу XXI в. сложилось, как минимум, десять направлений в изучении метафоры, к числу которых относятся семасиологическое, гносеологическое, логическое, лингвистическое и др. Однако все эти направления, так или иначе, соотносятся друг с другом, имея общий объект исследования (метафору) и различаясь разными подходами к ее изучению. Поэтому данную классификацию можно считать условной [10: 10].

Один из представителей когнитивного подхода к изучению метафоры, американский лингвист Джордж Лакофф, в своей работе «The contemporary theory of metaphor» (монг. «Метафорын талаарх орчин үеийн онол», русс. «Современная теория метафор» (1993), частично опровергает традиционные представления о языковой природе метафоры. Так, он утверждает, что объекты можно понимать и без метафор, а также, что метафоры не так важны в повседневной речи, так как наиболее часто используются в поэзии, выступая только как средства образного выражения [13: 46].

С другой стороны, французский лингвист Поль Рикёр в своих работах обращал внимание на то, что многие затруднения в области теории метафоры связаны с толкованием таких терминов, как «образ» и «восприятие», что можно считать проблемой, скорее, психологического свойства; «однако, – продолжает автор, – я бы определил эти затруднения, прежде всего, как явления, возникающие на границе между теорией семантики метафоры и психологией образа и восприятия» [9: 416].

Дж. Лакофф и М. Тёрнер, проводя исследование метафор в языковом контексте, особо подчеркивали тот факт, что метафоры переносят человеческие представления, эмоции, понимание и под. на новый уровень, отмечая при этом, что метафоры не только отражают повседневную жизнь человека, его мысли, ощущения и взаимодействия с окружающими, но и играют важную роль в формировании культурного наполнения лексических единиц [12: 216].

Метафоры формируются в языковом сознании этноса, часто определяясь совокупностью целого ряда причин, как лингвистического, так и экстралингвистического характеров. Можно сказать, что метафора, как метод переноса значения слов, является выражением результатов человеческого познания, понимания, мышления и чувств. Она может существовать и оформляться по-разному в языке каждой нации в зависимости от бытовых и общественно-исторических условий складывания конкретного этноса, его традиций, обычаев, культуры, и по своей структуре может быть как краткой и предельно мотивированной, так и более сложной по содержанию, национально маркированной.

С метафорическим мышлением тесно связана языковая картина мира. Видный монгольский лингвист Ж. Баянсан в своей работе «Соёл, хэл, үндэсний сэтгэлгээ» (русс. «Культура, язык и национальное мышление») подчеркивал, что «метафоризация мышления является одной из важных проблем языковой абстракции, а источник формирования уникальных особенностей национального мышления обусловлен многими условиями и причинами» [4: 42]. Например, подобным важным фактором может являться земля, на которой данный конкретный народ проживает с древних времен (географический фактор), а также природно-климатические условия, в которых он живет (климатический фактор), диктующий, в свою очередь, образ жизни и быта указанной языковой общности (бытовой фактор). Все указанные факторы находят свое отражение не только в характере и культуре народа, но и в содержании его языковой картины мира.

В качестве примера приведем выражение, существующее в монгольском языке, – *хаврын тэнгэр шиг ааштай хүн*, которое можно перевести на русский язык как «человек с темпераментом, подобным весеннему небу». Данное выражение может показаться не совсем понятным, если не знать особенности резко континентальных климатических условий в Монголии, когда здесь в весенний период небо может меняться не только каждый день, но и несколько раз в течение дня. Напротив, в местностях с влажным и мягким климатом, где в весенние дни воздух держит постоянную высокую температуру, возможно, этим же выражением можно было обозначить совсем другие качества характера, например, указывать на человека с мягким и добрым нравом.

Укажем основные функции, свойственные метафоре, анализируя разные языковые конструкции монгольского языка:

1) номинативная функция: когда метафора используется для расширения многозначности слова,

например, в монгольском языке существительные *аяга* (*уудаг*), *аяга* (*нүдний*) – русс. *чаша* для питья и *глазница* (букв. «чаша глаза») – англ. *cup* («drinking cup», «eye socket»);

2) этическая функция: когда при помощи метафоризации перифраз определенные речевые обороты можно заменить на более корректные, не прямые, описательные, на основе выделения какого-либо его качества, признака, особенностей,

например, когда в монгольском языке вместо *тахир дутуу хүн* (русс. «инвалид», букв. «неполноценный»; англ. «disabled person») говорят *хөгжлийн бэрхиээлтэй хүн* (русс. «человек с ограниченными возможностями», англ. «person with disabilities») или вместо *сохор* (русс. «слепой»; англ. «blind») говорят *хараа муутай* (русс. «слабовидящий», букв. «имеющий плохое зрение»; англ. «visually impaired»);

3) эстетическая (эмоционально-оценочная) функция: когда метафора используется для выражения чувств, оценок, являясь, в то же время, средством воздействия на адресата,

например, когда в монгольском языке вместо слова *Үзэсгэлэнтэй* (русс. «красивый», англ. «Beautiful») используются выражения *гоо үзэсгэлэнгийн туйл, хэн нэгнийг миний шүтээн* (русс. «воплощение красоты», «мой идол / кумир»; англ. «the pinnacle of beauty», «my idol»);

4) познавательная (эвристическая) функция: когда метафора помогает наиболее качественным образом описывать окружающую действительность в процессе ее познания,

например, монгольское выражение *цаг хугацаа бол алт, ус бол чандмань эрдэнэ* (русс. букв. «Время – это золото, вода – это драгоценность», англ. «Time is gold, water is a precious gem») описательным способом дает оценку фактам окружающей действительности, лежащим в основе ценностной картины мира монгольского народа;

5) обучающая (объяснительная) функция: когда метафора используется для объяснения неизвестного через известное, помогая запоминать сложную научную информацию и терминологию.

Видный советский лингвист Н. Д. Арутюнова выделяла четыре функциональных типа языковой метафоры: 1) номинативная метафора; 2) образная; 3) когнитивная; 4) генерализирующая [2: 340].

В то же время Г.Г. Кулиев выдвинул предположение, что метафора может выполнять все функции языка [7: 33].

В целом вопрос относительно классификации метафор в современной науке остается открытым: разные исследователи выделяют у метафор разные функции, предлагая свои, часто достаточно расходящиеся основания для классификаций. Так, могут выделяться такие функции метафор, как мнемоническая, ритуальная, эмоционально-оценочная и др. Затруднения в этом вопросе могут вызываться тем обстоятельством, что в чистом виде указанные функции встречаются не всегда, часто пересекаясь, взаимодействия друг с другом в определенном контекстном окружении (*например, объяснительная функция метафор может дублировать функцию эвристическую*). Влияние на процесс развития метафоричности оказывает и определенный тип дискурса, в рамках которого конкретное слово может быть употреблено: научный, политический, религиозный, др. Например, упомянутая выше мнемоническая функция в рамках научного стиля (в философских концепциях или научных теориях) может сочетаться с эвристической функцией, в научно-учебном или научно-популярном подстиле – с объяснительной функцией, под.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что, несмотря на общее понимание сущности указанного языкового явления, в разных языках могут существовать разные способы выражения метафорических

переносов значений, которые, существуя как определенный комплекс языковых моделей в сознании его носителей, в каждом из языков зафиксированы в ряде определенных моделей. Эти модели могут определяться не только лингвистическим потенциалом конкретного языка, но и особенностями культурных особенностей (например, имеет значение кочевая культура данного народа ли аграрная), а также какими-либо историческими особенностями.

В монгольском языке распространено использование метафор, основанных на соотношении части и целого или их взаимного расположения. В качестве примера рассмотрим группу метафорических выражений из группы соматической лексики со словом «толгой» (русс. «голова», англ. «head»):

Хүний толгой – русс. «голова человека» – англ. «Human head»: это прямое значение, обозначающее часть тела человека;

Жагсаалын толгой – русс. «глава колонны» – англ. «Head of the parade / column»: используется при обозначении лидера, идущего во главе колонны, либо передней часть колонны в целом (например, на параде);

Гаансны толгой – русс. «табачная камера» (букв. «головка трубки для курения», но на русском языке подобный языковой аналог отсутствует) – англ. «Pipe head»: обозначает часть курительной трубки, в которую помещается табак;

Уулын толгой – русс. «вершина горы» – англ. «Mountain peak»: используется при обозначении верхней части горы, её пика;

Хадаасны толгой – русс. «шляпка гвоздя» – англ. «Nail head»: обозначает плоскую часть гвоздя, по которой ударяют молотком;

Хөөрөгний толгой – аналогов данной лексической единицы на русском языке нет (буквально «головка табакерки») – англ. «Snuff bottle stopper» (букв. «пробка для нюхательной бутылки / табакерки»): обозначает верхнюю часть традиционной монгольской табакерки для нюхательного табака (табакерка представляет собой флакон, часто выточенный из цельного камня и искусно украшенный, который должен быть у каждого уважающего себя монгола).

Эти выражения показывают разнообразие использования монгольского слова «толгой» в разных контекстах, связанных как с языком, и с культурой быта. Вместе с тем, можно заметить, что при переводе ряда оборотов на русский и английский языки средства языкового выражения будут меняться: если словосочетание *жагсаалын толгой* можно перевести как на русский, так и на английский язык как «глава колонны» с сохранением состава языковых единиц и их смысла, то другие сочетания подобного рода с семантическим компонентом «голова» таких прямых аналогов ни в русском, ни в английском языках не имеют.

В свое время Л.В. Бреева и А.А. Бутенко отмечали, что при переводе основным по отношению к приемам метафорической группы

является закон сохранения метафоры, при этом сравнения и олицетворения принимающего языка практически всегда являются результатом калькирования (в том случае, когда между языками существуют языковые аналоги); однако, вместе с тем, следует понимать, что «в связи с национальными особенностями стилистических систем разных языков потери отдельных тропов (и, вместе с тем, ослабление метафорической образности) неизбежны» [5].

Особо следует отметить случаи существования метафорического переноса значений на основе определенных свойств объектов, предполагающих наличие фоновых знаний культурологического плана и служащих для дальнейшего выстраивания ассоциативных образных рядов.

Например: *Өөхөн чулуу* – русс. букв. «жирный камень» (в русском языке аналог отсутствует) – англ. «Fat stone» (аналог отсутствует): используется для обозначения белого и мягкого камня, внешне напоминающего жир;

Элгэн тараг – русс. букв. «плотный / крепкий кефир» (в русском языке можно подобрать частичный аналог – «густой кефир») – англ. «Thick yogurt»: используется для обозначения очень свежего кефира или йогурта (часто домашнего приготовления), популярного в Монголии, который характеризуется густотой и насыщенностью вкуса; др.

Подобного рода лексические единицы требуют при переводе дополнительного лингвокультурологического комментирования, являясь очень важным языковым феноменом, помогающим глубже понять культурный фон, на основе которого часто и формируются подобные образные значения метафорического характера.

Как и в русском языке, в монгольском языке подобный перенос значений часто формируется на основе лексической многозначности языковых единиц. В качестве примера приведем имеющиеся переводы с монгольского языка и пояснения, представленные переводчиками для выражений с использованием слова «жолоо» («узда», «повод»), – очень важного предмета быта, отражающего одну из отличительных сторон кочевого образа жизни монголов:

Морины жолоо – русс. «поводья для лошади» – англ. «Horse reins»: это прямое значение данного словосочетания, обозначающее ремень, пристегнутый концами к кольцам удила, которые являются средством управления передней частью корпуса лошади и основным средством управления лошади всадником в целом;

Төрийн жолоо – русс. букв. «поводья государства» (в русском языке прямого аналога нет, но можно подобрать похожий аналог – «бразды правления») – англ. «Reins of the state»: данная метафора используется при обозначении руководящей роли кого-л., чего-л. в процессе управления государством или в политическом управлении;

Амьдралын жолоо – русс. букв. «поводья жизни» (в русском языке подобное сочетание будет понятно при переводе, хотя в обиходной речи не используется) – англ. «Reins of life»: в Монголии так говорят о процессе управления своей жизнью, предполагающем взятие контроля над своей судьбой и принимаемыми решениями в свои руки.

Приведенные контексты наглядно демонстрируют, как слово «жолоо» может быть метафорически переосмыслено, например, чтобы обозначить управление и контроль в различных сферах жизнедеятельности человека, аспектах, будь то процесс государственного управления или управление своей личной жизнью.

Особо рассмотрим такую группу метафор, которые образуются от многозначных глаголов. В качестве примера проанализируем выражения, образованные на базе глагола движения «нүүх» (русс. «переезжать, перемещаться», англ. «to move»):

Шатар нүүх – русс. «передвигать шахматную фигуру» – англ. «Move a chess piece»: говорят, когда речь идет о перемещении фигур на шахматной доске;

Үүл нүүх – русс. «движение облаков» – англ. «Clouds moving»: так говорится при указании на процесс перемещения облаков по небу;

Элс нүүх – русс. «перемещение песка» – англ. «Sand moving»: так говорится о движении песка, например, в пустыне под воздействием ветра;

Үс нүүх – русс. букв. «выпадение волос» – англ. «Hair falling out»: в данном случае указанный глагол служит для обозначения процесса, при котором волосы выпадают с головы;

Шувуу нүүх – русс. букв. «миграция птиц» – англ. «Birds migrating»: данное выражение используется для указания на процесс перемещения птиц с одного места на другое в зависимости от сезона;

Амьтан нүүх – русс. букв. «передвижение (миграция) животных» – англ. «Animals migrating»: используется с целью указания на процесс перемещения животных с одного места на другое, обычно в поисках пищи или лучшего климата;

Будаг нүүх – русс. букв. «потускнение краски» – англ. «Paint fading»: выражение используется для указания на изменение цвета краски, когда она становится бледнее или совсем тускнеет.

Указанные выше выражения раскрывают различные значения и те контексты, в которых может быть использован глагол «нүүх» в монгольском языке, указывающий на разнообразные процессы перемещения в окружающем пространстве.

Также в данном случае можно наблюдать, что в процессе перевода, как на русский, так и на английский языки, часть метафорических выражений может быть передана практически без изменений (универсальные понятия – *глава* колонны, *передвижение* шахматных фигур, др.), другая часть может быть передана с помощью

других, но похожих по семантике метафор (например, построенных на других типах переноса значений: *перемещение* волос (монг.) – *выпадение* волос (русс.), др.), либо описательно («держать *поводья* жизни» – «взять процесс управления жизнью в свои руки»). Однако в ряде случаев таких аналогов для прямого перевода в культуре другого народа может не быть (речь идет, прежде всего, о так называемых языковых лакунах: например, «специальная пробка для нюхательной бутылки / табакерки», «жирный камень») – и это самые интересные случаи, требующие расширенного анализа контекста для правильного понимания семантики языковой единицы, а также привлечения дополнительного фактического материала.

Таким образом, изучение соответствующего культурологического фона и общественно-исторических условий может способствовать развитию умения не только правильно интерпретировать выражения с метафорическим содержанием, но и освоить понимание традиционных правил общения, принятых в другой среде, и особенностей менталитета носителей другой культуры.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что оттачивание умения подбирать устойчивые семантические эквиваленты для людей, говорящих на разных языках и принадлежащих к разным культурам, – процесс крайне сложный, но и интересный. Наличие указанного умения особенно важно в процессе обучения иностранному языку, так как важнейшим базовым фундаментом для основательного овладения другим языком является правильное понимание основ мировоззрения и самосознания изучаемого этноса, особенностей его мышления. Часто данный процесс можно проводить путем сравнения особенностей своей родной культуры и менталитета с особенностями менталитета представителей другой страны, сопоставляя то общее, что может нас объединять, и акцентируя внимания на возможных отличиях.

Метафоры играют ключевую роль в формировании особенностей языка и мышления народа. Они не только передают информацию, но и отражают глубокие аспекты культуры и истории, служат средством укрепления идентичности и понимания окружающего мира. Понимание и правильное использование метафор важно не только для лингвистической практики и перевода, но и для сохранения и передачи культурного наследия и ценностей от поколения к поколению.

Приведенные нами примеры ряда монгольских слов и выражений с метафорическим компонентом свидетельствуют о том, что их значение не всегда может быть передано дословно, а требуют, в ряде случаев, комментирования лингвокультурологического характера. В противном случае, может вызывать определенные сомнения, насколько предложенный перевод будет соответствовать содержанию первоисточника и как именно будет воспринят иностранцами, которые будут читать художественные произведения монгольских авторов.

Таким образом, наличие метафорических средств языкового выражения можно считать проявлением особенностей монгольского менталитета. При этом, если метафора правильно и точно переведена, это, безусловно, принесет большую пользу развитию правильной идентификации языка оригинала, в частности, а также, в целом, будет способствовать развитию межкультурной коммуникации и правильному взаимопониманию между представителями разных культур и народов.

Список литературы

1. Аристотель. Об искусстве поэзии / пер. с древнегреч. В.Г. Аппельрота.– М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. 184 с.
2. Арутюнова Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры // Известия АН СССР. Серия «Литература и языкознание». М., 1978. Т. 37. № 4. С. 333–343.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд. М.: «ЛИБРОКОМ», 2010. 576 с.
4. Баянсан Ж. Соёл, хэл, үндэстний сэтгэлгээ. Улаанбаатар: МУИС-ийн хэвлэх үйлдвэр, 2016. 124 х.
5. Бреева Л.В., Бутенко А.А. Лексико-стилистические трансформации при переводе // *Belraese2000: италянистика в Беларуси* / С.В. Логиш. М, 2004]. URL: <http://www.belraese2000.narod.ru/Trad/trasform01.htm> (дата обращения: 08.08.2024).
6. Гаадамба Ш. Утга зохиолын онолын товч: Утга зохиолын онолын үндэс. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2014. 327 х.
7. Кулиев Г.Г. Метафора и научное познание / АН АзССР. Институт философии и права. Баку: Элм, 1987. 155 с.
8. Пагва Т. Хэл шинжлэлийн удиртгал. 2 дахь хэвлэс. Улаанбаатар: Ардын боловсролын яамны хэвлэл, 1976. 178 х.
9. Рикёр П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение / пер. с англ. М. М. Бурас и М. А. Кронгауза // *Теория метафоры* / вступ. ст., сост. Н. Д. Арутюновой; пер. под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской. М., 1990. С. 416–434.
10. Склярская Г. Н. Метафора в системе языка / отв. ред. Д. Н. Шмелев. Российская академия наук. Институт лингвистических исследований. СПб. : Наука, Санкт-Петербург. изд. фирма, 1993. 151 с.
11. Сүхбаатар Ц. Монгол хэлний найруулга зүй. 4 дэх хэвлэс. Улаанбаатар: Эдмон принтинг, 2009. 363 х.
12. Lakoff G., Turner M. *More than Cool Reason. A Field Guide to Poetic Metaphor*. Chicago; London: University of Chicago Press, 1989. 237 p.
13. Lakoff G. *The contemporary theory of metaphor* // Ortony A. (ed.). *Metaphor and Thought*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 678 p.

Об авторах:

ХИШИГДУЛАМ Намжидмаа – старший преподаватель кафедры английского и немецкого языков, Монгольский государственный университет образования (Монголия, 14191, Улан-Батор, район Сухэ-Батор), khishigdulam@msue.edu.mn

ИЧИНХОРЛОО Шагжжав – кандидат педагогических наук, профессор кафедры эдукологии, Монгольский государственный университет образования (Монголия, 14191, Улан-Батор, район Сухэ-Батор), ichinkhorloo.sh@msue.edu.mn

КАЗАЗАЕВА Марианна Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии и методики Иркутского государственного университета (664003, Сибирский федеральный округ, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1), mar4272@mail.ru

PROBLEMS OF TRANSLATING MONGOLIAN METAPHORS INTO RUSSIAN AND ENGLISH WITH REFERENCE TO THE CULTURAL BACKGROUND

**Namjidmaa Khishigdulam¹, Shagjjav Ichinkhorloo¹,
M.A. Kazazaeva²**

¹ Mongolian State University of Education, Mongolia, Ulaanbaatar

² Irkutsk State University, Irkutsk

The article is devoted to the problems of translating Mongolian metaphors and metaphorical expressions into Russian and English. The main functions of metaphor, which are characteristic of the Mongolian language are described, examples of translating metaphors in different contexts are considered. It is established that the main difficulty in translating Mongolian metaphors is associated with the lack of knowledge in the field of spiritual Buddhist culture, as well as the culture of everyday life of the Mongolian people.

***Keywords:** metaphor, functions of metaphor, cultural features, translation difficulties, intercultural communication.*

About authors:

KHISHIGDULAM Namjidmaa – Lecturer of the Department of English and German Language, the Mongolian State University of Education (SBD - 8 khoroo, Ulaanbaatar 14191, Mongolia), khishigdulam@msue.edu.mn

ICHINKHORLOO Shagjjav – Candidate of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Education, the Mongolian State University of Education (SBD - 8 khoroo, Ulaanbaatar 14191, Mongolia), ichinkhorloo.sh@msue.edu.mn

KAZAZAEVA Marianna A. – Candidate of Sciences Philology, Associate Professor, Department of Philology and Methods, the Irkutsk State University (Karl Marx St, 1, Irkutsk, Irkutsk Oblast, 664003), mar4272@mail.ru

Статья поступила в редакцию 18.09.24
Подписана в печать 07.10.24

© Хишигдулам Нанжидмаа, Бадамгарав Дуламжав,
Казазева М.А., 2024